

18+

Милла Генрих

**Потерянная
душа**

Милла Генрих

Потерянная душа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51616544

ISBN 9785449840479

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вы знаете, что значит потерять душу? Вот и главная героиня не знала и никогда об этом не задумывалась. Как это бывает, тело живет, а души нет. В один миг вся ее жизнь с наполеоновскими планами станет «до», а жизнь «после» пугала ее. Новые способности болью отражались уколом в сердце. Как оставаться незамеченным и нормальным человеком среди всех.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Потерянная душа

Милла Генрих

Ridero *Корректор*

ТН *Дизайнер обложки*

© Милла Генрих, 2020

© ТН, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4047-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Невозможно стереть из души то, что успело стать её частью».

Глава 1

После развала СССР мои родители переехали в Европу, я тогда была еще маленькой. Естественно, мое желание не учитывалось, да и, как у нормального ребенка, у меня его тогда и не было. В то время мне было всегда хорошо там, где мои родители. Друзей я находила быстро, никогда у меня не было проблем с одноклассниками, со всеми находила общий язык. Так, переехав в Европу, я, не зная языка, каким-то образом нашла себе подружку в детском саду в первый же день пребывания в нем – девочку с красивым именем Александра, она тоже была из наших, то есть «тех, кого здесь называют русскими».

Мое имя никому не пришлось коверкать и находить альтернативу между русским и немецким именем, как с именем моей подруги Александры. Здесь она стала просто Сандра, хотя и Александра в Европе очень распространенное имя. Но я ее называла всегда Сашка – Санечка, а иногда и Шура. А меня при рождении, видно, сразу поместили и назвали коротким именем – Тина.

Никогда не считала себя красивой. Из-за своего цвета волос получила прозвище «Рыжая», сразу же в первом классе. Но самое смешное, местные дети это слово «рыжая» не могли произносить правильно, так как букву «р» они в произношении, приглушая, «глотали», и если вслушаться хорошо,

то слышалось «хыжая». Вот так и жила с этим кошмарным прозвищем до окончания школы. Ну а потом мы с Александрой вместе поступили в университет и изучали с ней юриспруденцию. Там моя подружка быстро нашла себе парня, хотя чему удивляться. Красивая длинноволосая блондинка с голубыми глазами привлекала всегда интерес проходящих, а парней просто притягивала своей яркой внешностью. Хоть и была невысокого роста. Не то что я: росла, как сорняк в огороде, метр восемьдесят два на момент окончания школы. Сначала была самой высокой в детском саду, потом в школе. От этого у меня образовался какой-то комплекс переростка. Никогда не надевала каблуки, чтобы не казаться каланчой среди своих одноклассников. На отметке метр восемьдесят четыре, слава богу, к своему совершеннолетию я перестала расти. А когда поступила в университет, даже вздохнула: там были ребята, причем почти все парни, как на подбор под метр девяносто и выше. И комплекс великана потихоньку стал исчезать. Мы проучились с Александрой почти шесть семестров в университете, когда она как-то неожиданно заявила:

– Тинуль, я хочу уйти из универа.

– Ого, с дуба ночью упала, или что-то случилось? Чего я не знаю такого, чтобы поддержать твое такое безумное заявление? Нам осталось еще пару семестров, и все, конец учебе.

– Наоборот, я хорошо подумала.

– Ну тогда озвучь свои веские причины?

– Я беременная!

Это было действительно неожиданный поворот в судьбе подруги. Но меня эта новость обрадовала до слез. Я сама не ожидала от себя такой реакции, сначала из глаз полились слезы, а потом визжала, как ненормальная, и прыгала возле Сашки крича:

– Ура-а-а-а, у нас будет ребенок!

Сашка стояла озадаченная, видно, растерялась от моей сумасшедшей реакции. Ну а поскольку новость была озвучена по дороге в университет, то прыгала и визжала я прямо на проезжей части улицы. Прохожие оглядывались, кто у виска крутил пальцем, кто смеялся. Но меня сам факт, что у подруги будет ребенок, радовал до самой последней моей фибры.

Я схватила Сашку в свои объятия, прижала к себе и, чмокая ее в макушку, сказала:

– Сашка, как же я рада за тебя, поздравляю тебя, моя дорогая подруга!

– Тинка, спасибо, только у тебя очень странная реакция на мою беременность.

Я отпустила ее, а сама не утерпела и опять закричала:

– Люди, у нас будет ребенок!

Знакомые подходили поздравляли меня. И как-то странно поглядывали. К обеду пол-университета уже знали о ребенке. И все торопились меня с этим событием поздравить. Теперь хохотала Сашка до слез, потому как все решили, что бе-

ременная именно я. Только один вопрос мучал сейчас всех, кто узнавал эту новость. От кого я беременная? Ведь за все время учебы в университете меня никто и ни разу не видел с парнем в обнимку.

Нет, вы сейчас не подумайте, что я заядлая феминистка. Просто с самой школы была закомплексована своим высоким ростом. Все время себя чувствовала Гулливером. Даже если на меня и обращали парни внимание, я всегда это расценивала как «подкат» к моей подруге Сашке через меня. Потому что в школе именно так и было. Сначала начинали ухаживать за мною, а через пару дней просили, чтобы я их подружила с Александрой. Меня сначала это смешило, а потом стало просто бесить. И, главное, все начиналось красиво, комплименты, потом тащили портфель до самого дома. Но признаюсь, самое первое признание в любви повергло меня в шок. До сих пор помню это признание от Макса, мальчишки одним классом старше моего, в которого я влюбилась за пять дней его ухаживания за мною, после школы, и на всех переменах поджидающего меня в коридоре возле моего класса:

– Тинуль, – (так он меня называл за весь короткий период ухаживания), – ты такая красивая, такая стройная, высокая, очень добрая, от тебя полшколы без ума.

Я помню хотела что-то вставить, но тут меня быстро вернули с небес на землю:

– Я бы рад с тобой дружить, но понимаешь, ты выше меня

ростом, и как пара мы не подходим.

Я быстро собралась с мыслями и сказала:

– Интересное признание в любви. Даже не знаю, как реагировать.

– Да нет, ты меня неправильно поняла. Я в твою подругу Александру влюблен с самого первого класса, но она на меня не обращает внимания. Подружи нас с ней, пожалуйста.

Помню до мелочей то первое чувство, ученица седьмого класса стояла, как будто помоями облитая. Но вида не показала, хладнокровно улыбнулась и тихо сказала:

– Да пошел ты, я не бюро услуг.

И ушла молча, еле сдерживая слезы.

Но, видно, была я не настолько умна в своей юности, что до окончания школы допустила еще пару таких же подкатов к моей подружке через меня. И, учась в восьмом классе, я мечтала, как закончу школу и уеду из страны Лилипутии далеко-далеко и никогда не захочу видеть своих сверстников из своей школы. Но это было в детстве, а когда стала взрослей, наоборот, не хотела никуда ехать, а появилась сильное желание, доказать всем, что и длинные фитили (так называли меня многие) могут быть востребованы. В десятом классе прошла кастинг в центральном доме мод в нашем городе, с большим успехом. Посыпались приглашения, даже из журнала «Бурда», но родители вмешались в мою увлеченность доказывать окружающему миру свою надобность.

– Сначала надо получить образование, дорогая, а уж по-

том мода, – твердили мои родители.

Объясняли, что я и так очень красивая, а то, что высокая, это делает меня еще больше отделяемой от всех, кто рядом со мною, и я не должна этого стесняться. Тогда я улыбалась, глядя отцу в глаза, и понимала: для своих родителей, даже если бы была полным уродом, была бы лучше всех и красивее всех.

На первых осенних каникулах десятого класса мои родители планировали поездку в Россию. Там нашлась моя тетя, мамина сестра. И план поездки удачно осуществился. Своя тетя, звав меня на каникулах в гости, в маленький российский городок со странным названием Охлабуйск, где жила моя нашедшаяся тетя, о которой мы долгое время ничего не знали. «Потерялись в те девяностые», как говорили часто мои родители.

Тетя моя была директором детского дома, вот где я впервые поняла, как смешна моя проблема по сравнению с теми, кто жил в этом доме, без родителей, кинутые или забытые.

Пока мои родители и тетя обнимались и забрасывали друг друга вопросами, я вышла во двор, где собирались дети на утреннюю линейку. Боже, какими глазами они тогда смотрели на меня, а я стояла и свысока смотрела на эти лица. Как далека я была от их мыслей. Мне кажется, вот там, в тот миг я стала взрослой. Когда увидела своими глазами детскую жестокость.

Полина, тогда я не знала еще ее имени, худая, затюканная

на вид девочка лет десяти, так я тогда подумала, оказалась моей ровесницей. Сидела одна на лавочке, все, кто проходил мимо, тыкал в нее чем-то или кидал что-то, кто-то плевал, потом подбежали две девчонки и столкнули ее с лавки прямо в лужу, а она молча, не издавая звуков, только исподлобья смотрела на всех. Ни один не прошел мимо, не задев ее. Но когда одна из самых крутых на вид девчонок подошла к Полине и, схватив за голову, хотела ткнуть ее лицом в лужу, я не выдержала и бросилась к Полине на помощь. Мне тогда тоже досталось хорошо, пока на порог двора не выскочили мои родители с командующей этим домом, моей тетей. Все разбежались, как только тетя Нина закричала, выбегая из распахнутых дверей главного входа:

– Скворцова!

Скворцова развернулась и, жуя жвачку, прокричала в ответ:

– А че сразу Скворцова? Я только помочь хотела встать вашей племяннице, – и, нагло улыбаясь, смотрела мне в глаза.

– Быстро ко мне в кабинет, и вся твоя шайка тоже! – прокричала тетя Нина.

Не знаю, кто тогда сказал из них:

– За племянницу нас могут и выгнать.

Скворцова только рассмеялась ехидно, ответив:

– Ща посмотрим, как она будет нас выгонять. Не ссыте, она даже строгой не может быть, ща расплачется и только.

И демонстративно прошла по всему двору в здание детского дома.

Родители, подбежав к нам, стали суетиться, вытирая грязь с лица, отряхивали с меня грязь. Мне было стыдно в эту минуту перед этой девчонкой, которую зашугали в этом доме и смотревшую сейчас на меня с тоскливыми глазищами.

– Мам, да все у меня хорошо, – одернулась я, – подумаешь, подралась маленько.

– Дочка! – сказал отец. – Я горжусь тобой. – И, повернувшись к девочке спросил: – Тебя как зовут? – протягивая ей руку помощи, поднимая ее с земли, всю грязную и мокрую.

– Полина, – тихо ответила она.

– За что они с тобою так? – спросила ее я.

Она пожала плечами и промолчала.

– Девчонки, быстро домой переодеваться, сейчас такси поймает, а то заболете. Это хорошо, что после дождя солнце вышло, – и папа выбежал за ворота детдома в поисках такси.

– Спасибо тебе за помощь, – сказала мне Полина. – Мне пора, а то еще больше попадет, за то, что сорвала линейку.

– Куда это ты пойдешь? – запротестовала моя мама. – Тебе переодеться надо, у тебя есть вещи во что переодеться?

– Да, конечно, есть, – ответила Полина, круто развернулась и побежала вдоль забора.

– Полина, подожди! – крикнула я и побежала в вдогонку за ней.

Но тут появился мой отец, сгреб нас двоих в охапку и, толкая к воротам, сказал:

– Такси ждет, поехали, девчонки, мыться и переодеваться.

Полина стала отнекиваться, сказала, что ей нельзя без спроса выходить за ворота. Но отец слушать не стал.

– С директором мы договоримся, поехали, и даже слушать не хочу отговорки. Самое важное не заболеть сейчас, а все остальное решаемо.

Так я подружилась с необыкновенной девочкой из детского дома где хозяйкой была моя тетя Нина.

Вечером того же дня тетя Нина нам рассказала, как детям тяжело живется в детдоме. Она наизусть знала каждого ребенка, его судьбу, даже помнила день и число их появления в детском доме.

От Полины мать отказалась в роддоме, маленькая кроха сначала жила в доме малютки, а позже ее перевели в детский дом, когда ей исполнилось пять лет, ее удочерили. Вот тогда две девочки, стоя в комнате, ждали с нетерпением родителей, которые хотели удочерить девочку, Скворцова и Полина. Выбрали Полину. Скворцова затаила обиду на Полину, хотя сама очень добрая девочка. Но так несправедливо сложилась судьба Полины, что приемные родители оба погибли. При каких-то загадочных обстоятельствах. Никто из родственников не захотел брать приемную девочку к себе, и Полина вернулась опять в детский дом, где Скворцова каждый день напоминала ей о том дне, когда Полина специально

старалась понравиться. Тетя Нина не могла наказывать, она только штрафовала учеников уборкой помещений, сказав:

– Они и так наказаны жизнью. Не могу я их наказывать, сердце за каждого болит. А Скворцова на самом деле совсем другая, это она из-за того, что за все время пребывания в детском доме ни разу не понравилась ни одной паре, стала как ежик. А когда с ней сидишь и разговариваешь она беззащитная, такая же, как и все дети этого дома.

Слушая тогда тетю Нину, я вспомнила о том, как я страдаю от своего высокого роста. Но по идее, оказалось, я самая счастливая, у меня замечательные родители, у меня есть родня, бабушки, дедушки, которые меня любят и души не чают. Не то что те дети, глаза которых я видела, когда они с завистью смотрели на меня. Да, в тот день я стала к своей проблеме роста относиться со смехом. Но комплекс все же остался. Потому что все близкие мне друзья были ниже меня. Но я старалась вида не подавать своего недостатка.

Пока я гостила у тети, я сдружилась с Полиной, оказывается, она знала много приемов карате, потому что приемный папа у нее был тренером по этому виду спорта, он и научил ее себя защищать. А когда я спросила, почему же она тогда не защищала себя, она ответила:

– Силой не докажешь ничего, ведь они сами такие же несчастные, как и я. Ты просто не поймешь, что такое жить без родителей. Я ведь даже забыла, что они мне были не родные. Но когда попала обратно, я вспомнила, как мы стояли

со Скворцовой в комнате, как она мне поправляла бантики и, как старшая сестра, напутствовала: «Ты должна им понравиться, ты не можешь не нравиться». И все время меня двигала вперед себя. Но в душе сама очень хотела понравиться, и чтобы именно ее удочерили. Это я вспомнила, когда снова оказалась здесь, в этом доме. Лида Скворцова добрая, она в том далеком детстве была мне как сестра. Но каждый выживает как умеет. Она сказала мне как-то: «Если я буду доброй и такой же наивной, как ты, то на твоём месте оплеванная буду сидеть я».

И у меня зародился план: подружить их снова, как тогда две маленькие девочки, стоявшие в комнате в ожидании родителей.

Оставалась одна неделя нашего отпуска в России, и я не стала терять время. Поговорила с отцом, он согласился мне помочь. И возил меня каждый день в детский дом. Лида пару дней грубила и на сближение не шла, но на третий день своего приезда в детский дом я отозвала ее одну в сторону и честно сказала:

– Давай знакомиться, меня Тина зовут, я приехала сюда на каникулы, и у меня нету времени с тобой долго пытаться подружиться. На следующей неделе я улетаю домой и не знаю, когда еще смогу приехать, но мне очень хочется, чтобы ты и Полина стали мне подругами. Очень хочу, хочешь – верь, хочешь – нет.

Она минут пять молча смотрела на меня и смачно жевала

звачку, потом протянула руку сказала:

– Меня Лидой зовут, а фамилию ты слышала, Скворцова. Ты мне тоже понравилась, ведь не заложила меня тогда своей тетке, а Полинку я все равно ненавижу.

– Да ладно, я и без тебя знаю, что она тебе нравится. И в детстве ты ее любила как сестру.

– Что, наша директриса тебе рассказала?

– Нет, просто догадалась.

– Я злая на Полинку, и причем очень сильно, ведь она за все время, что жила счастливо с приемными родителями, ни разу не вспомнила обо мне, ни разу не приехала, а я ее ждала, каждый день ждала и бегала к воротам.

– Лида, как сказала бы моя мама, «пока ты несовершеннолетняя мы отвечаем за тебя с папой, и мы принимаем все важные решения». Видно, родители у Полины тоже принимали за нее решения. Поэтому она и не могла тебя навещать.

– Ой, не защищай ее.

– Я не защищаю. Просто думаю, если было бы наоборот, и ты бы жила в той семье, наверняка тоже не смогла приезжать к Полине.

– Я бы сбежала, но навестила бы ее.

– Это ты так думаешь. Но живя там, в семье, ты бы думала по-другому.

– Откуда тебе знать, как бы я думала? Ты вон вся такая из себя красивая, в шмотках фирменных, любимая доченька небось, тебе не понять нас никогда!

– Не заводись, Скворцова! Слушай, ты первая, кто сделал мне комплимент.

– Да не ври?

– Честно, меня все называют там, где я живу, хыжая?

– Что это означает?

– Рыжая, просто неправильно выговаривают букву «р» и получается хыжая, да еще и Гулливером, фонарем и каланчой. Одним словом, кличек у меня как у собак, целая куча. А вот Тиной меня почти никто не называет.

– Вот у вас, благополучных, проблемы, обалдеть, – засмеялась она.

Когда Лида засмеялась, я увидела в ней искренность ее смеха, да такой заразительный, что тоже рассмеялась. Но не одна я заразилась ее смехом, поджидающие ее девчонки тоже стали смеяться и тихо подходить к нам. Так я подружилась со всем ее окружением.

Когда я уезжала, они все пришли меня провожать, прощались мы со слезами на глазах. Чувство потери тогда впервые ощутила я. Но мы не потерялись там, в аэропорту, я подарила свой телефон Скворцовой, а отец свой подарил Полине. Мама свой подарила Ольге, самой старшей из девочек. Нам было неловко что телефонов у нас всего оказалось три, а Лида рассмеялась и сказала:

– Да вы не переживайте, мы умеем делиться.

С тех пор мы не теряли связь между собою.

Лида и Полина, окончив школу, уехали с Охлабуйска

в Оренбург, когда мы разговаривали по телефону, Лида, смеясь, говорила:

– Будем с Полинкой возрождать производство оренбургских платков, – и обе, смеясь часто добавляли: – А то платки в стране закончились, остались одни шапки.

Я тогда не знала о платках ничего. Мама мне рассказала об этих знаменитых платках. И когда Лида с Полиной говорили об платках, я думала, они говорят серьезно, что хотят именно заняться оренбургскими платками. Но потом они позвонили и сказали, что обе поступили в медицинское училище. В институт у них документы не приняли, там всюду блат нужен. Но зато они сразу же нашли себе практику, где будут дополнительно получать деньги к стипендии. Я была за них очень рада. Мама с отцом, когда могли, переводили им немного денег, для поддержки. И девчонки старались изо всех сил не подводить родителей, они хотели, чтобы ими тоже гордились. И отец мой, звоня им, часто говорил:

– Девчонки, мы с мамой гордимся вами.

А девчонки тоже никогда не забывали передать привет «папе Эдику, и маме Лизе», так они называли моих родителей. Всегда интересовались их самочувствием и спрашивали об их делах.

Совершеннолетие для меня было особенным днем. Мне казалось все двери мира теперь будут открыты для меня. И я могу без сопровождения кого-либо открыть любую дверь. Также я думала, это чувство было и у Лиды с Полиной.

Глава 2

На втором курсе у моих названных сестер Лиды и Полины с разницей в четыре дня исполнялось восемнадцать лет. Они с грустью в голосе говорили, что хотели бы, как и все дети мира, отметить день рождения в семье, но семья у них маленькая, их всего двое. Потом Полина с радостным возгласом произнесла:

– Представляешь, а Нина Яковлевна обещала к нам приехать на день рождения, если все будет хорошо.

– Да не сможет она приехать, – добавила Лида, – ты что, не знаешь, что в нашем доме вечно какие-нибудь проблемы, ее или не отпустят, или, как всегда, что-нибудь случится.

– Лида, не нужно быть такой категоричной, моя тетя раз обещала, то, поверь, она постарается, чтобы к вам приехать, – перебила я ее, когда она тараторила по телефону.

– Тинка, а ты не сможешь к нам приехать? – спросила Полина. – Хотя у тебя экзамены скоро, мы понимаем. Вот черт, как жаль, что мы в разных странах живем.

– Ты права, Полин, вряд ли я смогу. Вы уж простите и не обижайтесь.

Я не хотела открывать наш с отцом и мамулей секрет, что мы уже открыли визы и купили билеты до Оренбурга. Мы хотели сделать им сюрприз.

Помню, как моя мама носилась по магазинам и искала для

них подарки, она готова была скупить все, ей казалось, они нуждаются во всем. Но потом отец здраво рассудил:

– Давайте подарки купим им на месте, чего вещи покупать, если вдруг они по размеру не подойдут, предлагаю каждой купить по ноутбуку здесь, а вещи купим там.

Так и сделали.

Описать радость девочек просто невозможно, они навзрыд плакали, с ними плакали и мы. Потом отец пошутил:

– Как будто все с войны вернулись. Такая радость победы!

– Победа в том, что мы сумели все же опять встретиться, – входя в маленькую комнатку общежития, произнесла моя тетя Нина.

– Ура-а-а! – закричали Полина и Лида, прыгая от радости. – Наша мама Нина тоже приехала.

Вслед за тетей Ниной с полными сумками в руках вошел молодой высокий мужчина., на вид лет на десять старше меня. Полина с Лидой, обнявшись с тетей Ниной, повернувшись к мужчине, сильно растерялись и в полголоса почти вместе произнесли:

– Вадим Иванович?

Он поздоровался, протягивая два букета каждой из них, сказал:

– Простите, что без приглашения. С днем рождения вас, милые девушки.

– Да брось, Вадим, извиняться, ты так им обоим помог, – перебила его тетя Нина. Приобняв его, она произнесла: –

Знакомьтесь, это мой ученик Вадим Крымов, лучший травматолог города Оренбурга, – с гордостью произнесла моя тетушка. – Теперь он, конечно же, Вадим Иванович, и знаете, я им всегда гордилась. Он выпускник нашего детского дома.

– Нина Яковлевна, прекратите, сегодня все лавры девушкам, у них праздник, – остановил свою учительницу Вадим Иванович.

Он подошел к моей матери, представился, протягивая руку маме, галантно поцеловал ее руку, протянутую навстречу. Я думала, таких жестов в мире уже нет, только в исторических фильмах. Так мужчины здоровались и знакомились с дамами два или три века назад. Но не теперь, в нашем сумасшедшем двадцать первом веке. Он представился сначала маме, потом папе, и когда подошел ко мне, смотря мне прямо в глаза, как будто оценивал своим пронизывающим взглядом. Я даже смутилась как-то неожиданно для себя! Когда он протянул мне руку, у меня даже дрожь пробежала по коже, подумала, если он сейчас поцелует и мою руку, как маме, я, наверное, со стыда сгорю.

Как я среагировала на его протянутую руку, наверное, удивила всех. Я взяла и хлопнула по его руке своей, громко сказав:

– Когда бал начнется, вот тогда будем знакомиться за руку. Я просто Тина, племянница вашей учительницы.

Он заулыбался и ответил:

– Ну тогда кто же объявит о начале бала?

– Я! – громко сказал отец, открывая бутылочку шампанского и разливая его прямо в стаканы, которые стояли на маленьком столике. – Мы тут недалеко ресторан заказали. Через сорок минут у нас начнется праздничный бал. Посвященный нашим милым дамам, у которых с сегодняшнего дня начинается совершенно новая жизнь. Сегодня, наши дорогие девчонки, вы становитесь полностью ответственными за свое будущее. Завтра все двери перед вами открываются совершенно по-другому. Будьте всегда, мои дорогие, бдительны, никогда не забывайте, что вы теперь вершите сами свою судьбу. И ответственность теперь за все несете сами. Жизнь полна чудес и испытаний. Хотя она у вас с детства началась с испытаниями. Но за вами стояла всегда Нина Яковлевна, теперь она теряет эту возможность вмешиваться. Конечно же, мы все остаемся вашими близкими, и двери нашего дома всегда для вас открыты. Мы готовы разделять и радость с вами, и горести. С совершеннолетием вас, наши милые Лидя и Полинка!

Он обнял плачущих девчонок прижал к себе и тихо добавил.

– Я горжусь всеми тремя своими дочками!

Даже тетя Нина утирала слезы.

Все чокнулись стаканами и выпили за совершеннолетие девчонок.

– Ну, все теперь быстро собираемся, –скомандовал отец, – на праздничный ужин. Девушки, снимайте свои бигуди, по-

быстрее одевайтесь. А мы вас подождем в низу.

И папа первый вышел из маленькой комнаты. Я осталась с ними, и они на перебой мне рассказывали о своем заведующем Вадиме Ивановиче.

– Ты знаешь, это он нам помог с практикой и с общагой. Тогда мы и не знали, что он из нашего детдома, – кричала Лида из-за шторы

– А еще он самый лучший врач. Знаешь, в него вся клиника наша влюблена, и даже пациентки, сразу, как увидят, не равнодушны к нему, – тараторила уже Полина.

– Такой молодой красавчик, и уже заведующий травматологическим отделением. Да он просто врач от Бога, – перебила Полину Лида.

– Вы что, тоже обе влюблены в него? – улыбаясь, спросила их я.

– Куда нам до такого красавца, – ответила Лида.

– Ой, Лида, ты ли это? Такая оптимистка жизни, с лидерскими способностями, и так пессимистически произнесла свои доводы!

– Я не только оптимистка, я еще и реалистка. У него знаешь какой выбор среди элиты, что мы с Полиной курим в стороне.

– Никогда не говори «никогда», – только успела произнести я.

– Да не начинай свои юридические умные термины, – перебила меня Лида. – Просто мы с Полиной решили, в кастин-

ге на претенденток в его любовницы мы участвовать не будем!

– Вау, тогда я только – за вас! Не такой уж он и красавчик да обаяшка. Как вы тут его расписываете.

– Ну посмотрим, посмотрим на тебя, после того как посидим с ним вместе в ресторане, – говорила уже Полина: – Лида, спорим, к концу вечера Тинка тоже будет от него тащиться.

– А давай спорить, – подходя ко мне произнесла Лида. – Ты к концу это вечера будешь уже другого о нем мнения.

И мы поспорили.

Что я останусь непоколебимой от этого лучшего доктора, города Оренбурга.

За свой проигрыш я должна буду с ними провести целые три недели своих осенних каникул. И наоборот, если проиграют они, то любимыми путями приедут ко мне в Европу.

Девчата нарядились действительно как и подобает виновницам торжества. Обе красивые, нарядные.

Полина в светлом голубом платье с маленькими блестками смотрелась как Золушка из сказки и сильно похожая была сейчас на ту сказочную Золушку, даже причёской. Светло-голубые глаза выделяли длинные накрашенные черной тушью ресницы, губы светло-розового цвета подчеркивали светлую кожу лица. Белые туфли лодочки на невысоком каблучке смотрелись на ее красивых ногах как-то по-особенному.

И полная противоположность этой Золушке вышла Лида.

Короткая прическа напоминала какой-то взрыв эмоций, жгучая брюнетка, стройная, грациозная, с огромными, слегка раскосыми зелеными глазами. А взгляд веселый и немного игривый. Выходила сейчас из-за шторы в красно-ярком наряде, пышная юбка чуть выше колен, черный топик под красным болеро, в ушах длинные черные серьги спускались до плеч, и черные туфли на высоких каблуках. Она как будто всему миру делала вызов, этим ярко красным цветом.

– Вау, – произнесли мы с Полиной.

– Лидусь, вот умеешь ты быть неотразимой, – добавила Полина.

– Да ладно вам. А то я застесняюсь.

– Вы обе сегодня неотразимые, – громко сказала я, – правда, восхищаюсь вами. Ну что, принцесски, пошлите во взрослый мир! Я уже полгода в нем, скажу честно, перемен больших пока не видела. Но родственники говорят все время – будь на чеку! – подталкивая при этом Полину и Лиду к выходу.

Пока мы спускались вниз, на нас все оглядывались. А парни, присвистывая, открывали рот. Видно, Лида и Полина впервые так нарядились, встречая свое совершеннолетие. Мы вышли в парадные двери, где нас ждали мама с тетей, которые взмахами рук выразили свой восторг, при этом вдохнув глубоко, можно было услышать только:

– Ах...

Папа и Вадим Иванович, присвистнув как юные мальчишки, улыбнулись и громко выразили восхищение.

– Девчонки, вы у меня просто неотразимые красавицы, – пробасил мой отец.

– Сегодня вы правда неотразимы, – как-то слащаво произнес Вадим Иванович и подошел к Лиде, подставив свою руку.

Она удивленным взглядом посмотрела на меня с расширенными глазами. Я улыбнулась. Улыбалась и Полина.

– Чего это вы так хитро обе улыбаетесь? – спросил мой отец, предложив нам свои джентельменские руки. Но мы с Полиной еще громче рассмеялись, ответив папе:

– Папуль, вон те две дамы, – указав на маму и тетю, – больше нуждаются сейчас в твоих джентельменских руках. А мы с Полиной за вами.

Вадим вел Лиду впереди всех и все время поглядывал на свою спутницу. А Лида сначала, очевидно, была сильно растеряна и часто оборачивалась назад, а потом, видно, улетела в сказку, где правит балом заведующий травматологическим отделением Вадим Иванович Крымов. Потому что смеялась своим заразительным смехом и уже не оглядывалась на нас.

Скажу честно, я чуть было не проиграла спор, он действительно оказался другим человеком. Если бы его не привела моя тетя, то день рождения наверняка не был бы таким ве-

селим. Он развлекал нас весь вечер, рассказывал анекдоты, разные истории из жизни. Он был не просто красноречив, но и хорошо подкован. Кругозор его познаний и увлечений вызывал восхищение. Мне в один миг показалось, что его очень трудно застать врасплох. Он на все темы вставлял свои остроумные реплики, и фразы.

Хорошо, что сегодня Лида у него вызывала больший интерес, чем кто-либо. И только поэтому я не проиграла. А когда он Лиду пригласил на танец и они пошли танцевать, Полина, смеясь, сказала:

– Ну вот, блин, теперь мы с ней проиграли тебе.

– Ты не в счет, – ответила я ей, – но Лида точно проиграла.

– Классная они пара, ты не находишь?

Они действительно смотрелись вместе очень красиво. Причем если бы я не знала сейчас, как он появился в комнате, и не знала Лиду, я бы подумала, что они муж и жена. У них даже в одежде было что-то одинаково смелое. Он высокий, его широкие плечи доказывали крепкое сложение, способность переносить трудности жизни. Взгляд непобежденного развратом большого города и ни душевными бурями. Волосы темно-русые, глаза что-то между голубым и серым. Цвет кожи как у человека, позагоравшего на солнце. В черном костюме и красном галстуке, который подчеркивал наряд Лиды.

– Слушай, Полина, а они, случайно, в больнице, где вы практикуетесь, не договорились нас удивить, ведь погляди,

у него галстук прям в тон Лидиной юбке и болеро?

– Да нет, я бы знала, что Лида и Вадим Иванович встречаются. Он там, в больнице, совсем недоступен для нас.

– Почему?

– Ну потому, что мы только практикантки, нас всегда посылают там, где никто не хочет работать. Чаще нам швабру дают с тряпкой, чем шприц в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.